Новогодние истории – это нечто особенное. Казалось бы, все идет своим чередом: закупаются продукты, горячительные напитки, наряжается елка, на кухне хозяйки сноровисто орудуют кастрюлями, сковородками, щедро раздавая подзатыльники своим нерасторопным чадам. Муж едва успевает ходить в магазин – то за зеленым горошком, которого не хватило в салат оливье, то за луком, хлебом, томатами, огурцами и растительным маслом. Наступает время, когда все в семье вздрагивают от маминого крика: «Почему не включается гирлянда на елке?», удобряя вопрос длиной ругательной тирадой в адрес китайцев. Потом вдруг выясняется, что гирлянду просто забыли включить в розетку. В общем, предновогодняя суета являет собой особое время в жизни каждой семьи. Когда предвкушение праздника значительно ярче, чем все хлопоты, связанные с подготовкой к нему. 1987 год не стал исключением из общего правила. На излете советского времени многие продукты отпускали по талонам. Особенно тяжело было купить спиртное. Купить бутылку «Агдама» (вино), «Столичной» (водка), плюс трехзвездочный армянский коньяк в одни руки по талонам считалось большой удачей. К Новому году в специально отведенных магазинах к тому же набору продавали по две бутылки шампанского на одно лицо. В Петропавловске-Камчатском, как и во всей стране, очереди в магазины накануне встречи 1988-го года были не просто длинными, а бесконечными. Ради выпивки ушлые мужики (из простых смертных) шли на любые ухищрения. Чтобы увеличить количество талонов на горячительные напитки, они меняли месячные талоны, предназначенные для покупки сахара и гречневой крупы, на талоны для отоваривания шампанским и коньяком.

Юрий Николаевич Зудаченко (имя и фамилия изменены) с успехом добыл для своей семьи необходимый набор спиртного. Плюс к тому умудрился добыть несколько дополнительных наборов для любовного свидания с Людмилой Ивановной Нарышкиной (имя и фамилия изменены). Жил наш славный добытчик в районе улицы Садовой и состоял в морской инженерной службе гражданским служащим. Вот уже двенадцать лет он заведовал складом с дефицитным оборудованием. Поэтому, само собой разумеется, в очередях не стоял, имел автомобиль марки «Жигули», шикарный капитальный гараж недалеко от дома и проживал в трехкомнатной квартире. Его жена Нинель Васильевна (имя изменено) трудилась в сфере торговли заведующей отделом промышленных товаров, т. е. она без труда (на возмездной основе, разумеется) могла достать дефицитную стиральную машину с центрифугой для сушки белья «Сибирь», холодильник «Бирюса», цветной телевизор, миксер и т. п. В общем, по советским временам семья считалась зажиточной, живущей не только на одну зарплату. Все у них шло хорошо вплоть до Нового 1988 года. Гулкие шаги новогодней судьбы Юрия Зудаченко стали слышны после телефонного звонка своей любовнице Людмиле Нарышкиной, когда они договаривались о встрече в 14 часов 31 декабря 1987 года в его благоустроенном гараже. Юрий Николаевич, объяснив своей жене, что нужно поставить машину в гараж и посмотреть мотор, который барахлит, бесстрашно шагнул навстречу новогодним приключениям.

Свою Людмилу он забрал возле магазина, и любовники поехали отмечать Новый год. В гараже для свиданий было все предусмотрено. Сразу за помещением для автомобиля находилась комната отдыха, где стоял диван, телевизор и небольшой столик со старым холодильником. Едва успев разместиться в уютном гнездышке, Юрий Николаевич вдруг вспомнил, что его приятель Боря из соседнего гаража привез комплект зимней резины для его «Жигулей». Деньги не были уплачены заранее, и поэтому колеса нужно было оплатить и забрать поскорее, иначе Боря мог их продать кому-нибудь другому по более выгодной цене. Окрыленный любовник сказал не менее окрыленной любовнице, что он отлучится буквально на пять минут, пока она накрывает на стол. Сказано – сделано. Юрий Николаевич закрыл гараж снаружи и отправился к соседу за зимними колесами. В гараже у Бори веселье было в самом разгаре. Он со своим приятелем провожал старый год. Перед ними стояла начатая трехлитровая банка технического спирта (у военморов сей благородный напиток назывался «шило»). Неприхотливая закуска – камбала в томатном соусе и сайра в собственном соку (Боря называл ее «в собственном поту»), две банки соленых огурцов, крупно порезанные куски сала, лук, черный хлеб. Маринованные помидоры, квашеная капуста украшали длинный и широкий верстак Бориного гаража. Когда в дверь кто-то постучал, Боря зычно крикнул: «Заходите!» Юрий Николаевич зашел, отдал Боре деньги и попросил помочь ему вынести колеса. Однако сосед по гаражу ответил, что колеса не отдаст до тех пор, пока Юрий Николаевич не выпьет с ними за Новый год. Понимая, что от подвыпивших невольных компаньонов ему не отвязаться, Юрий решил опрокинуть рюмку-другую и уйти. Беда в том, что Юрок плохо знал Борюсика. За первым тостом последовал второй, потом третий: «За тех, кто в море», четвертый – «За любовь», пятый – за «Здоровье».

Приятели пили из мелкой посуды (стограммовыми стаканами) и спирт разбавили напополам, т. е. правильно. Но после седьмого тоста Юрий Николаевич понял, что ему надо срочно уходить. Собутыльники против ухода уже не возражали, правда, о колесах все забыли. Выйдя на улицу, успешный начальник склада, владелец «Жигулей» и трехкомнатной квартиры помочился на ворота гаража своего соседа и отправился домой. Добравшись до своей квартиры, он без труда открыл ключами дверь, чувствовалась, что он прошел хорошую школу гаражного отдыха. С криком «Мусик, я пришел!» нырнул в ванную комнату. Он долго стоял под прохладным душем. В конце концов ему удалось привести себя в более-менее адекватное состояние. Его жена Нинель Васильевна была женщиной, мягко говоря, объемной, крикливой, но не глупой. Когда перед ней появилась полупьяная физиономия мужа, она не стала скандалить и даже позволила ему чмокнуть себя в щечку. Жена понимала, что муж, хоть и крепко выпивший, но все же стоит на ногах. Он реагирует на звук, на свет, способен, пусть и с большим трудом, выразить свои мысли, да и вернулся домой до Нового года. Одним словом, обрушивать на него свой гнев – означало испортить праздник себе и детям. Поэтому, поразмыслив, она уложила мужа спать, решив разбудить его через четыре часа. На душе ее стало совсем тепло, когда в 23 часа 30 минут позвонила Борина жена и спросила, не у них ли случайно находится ее муж. Умиротворенная Нинель сделала справедливый вывод, что есть те, которым значительно хуже, чем ей, и, похоже, Боря не вернется домой до Нового года. Растолкав мужа, благоразумная жена предложила

ему выпить капустного рассола и хорошенько закусить. Потом они сели за праздничный стол, наполнили хрустальные бокалы шампанским, поздравили друг друга с Новым годом, пожелали счастья, здоровья и вечной любви. Чудотворный новогодний вихрь все более захватывал Юрия Николаевича. Он был доволен собой и начал философствовать о том, что его начальники – козлы, офицеры – дармоеды, и зачем зря сушить мозги в военных училищах, получая высшее образование, когда можно, как он, закончив ПТУ, все иметь. Жена поддакивала мужу, понимая, что во многом он прав, она тоже не получила высшего образования. За ее плечами был лишь торгово-кооперативный техникум. Она имела (в материальном плане) значительно больше, чем зазнавшиеся жены офицеров, окончившие институты. Новогодние рассуждения четы Зудаченко были похожи одно на другое как две капли «Агдама». Проснувшись на следующий день, уже 1988 года, приведя себя в порядок, они отправились в гости к своим друзьям. Там семейная пара гуляла до глубокой ночи и после обеда 3 января супруги окончательно стряхнули с себя остатки праздника.

Юрия Николаевича все это бурное праздничное время точила какая-то тревожная мысль, словно он что-то не доделал. Лишь к 15 часам 3 января эта мысль перестала щекотать его память, она оформилась в сокрушительный удар по его самосознанию – он все вспомнил. Героя-любовника бросило в холодный пот. Трое суток его возлюбленная находится в запертом гараже, пялясь в старенький телевизор, сидя на видавшем виды диване. Сказав жене, что идет в гараж менять колеса, Юрий Николаевич стремглав выбежал из квартиры.

В те далекие времена еще не было мобильных телефонов, а гаражи стояли в таких местах, где стучи не стучи в ворота, никто тебя не услышит.

Дрожащими руками открывая замок своего гаража, Юрий Николаевич пытался придумать слова для оправдания и не находил их. Он решил даже схитрить, объяснив, что, идя около гаражей, поскользнулся, упал, ударился головой, временно потерял память, и его «скорая» увезла в больницу. Придя в себя, он тут же отправился спасать свою возлюбленную. Эта версия событий казалась ему самой правдоподобной.

Людмила Ивановна Нарышкина, услышав скрежет ключа в замке, привела себя в боевое положение, т. е. взяла лопату для очистки снега и ждала, когда Юрий Николаевич появится в проеме дверей. Тот действительно появился и не успел защитить свое лицо. Узница гаража ударила тыльной стороной лопаты плашмя, да так сильно, что ее освободитель вывалился обратно на свежий воздух. Придя в себя с криком «Людок, ты что, с ума сошла?», он ворвался в гараж. Из нежной и ласковой кошечки Людмила превратилась в бешеную пантеру. Выкрикивая грязные ругательства, самое ласковое из которых было слово «му...к!» она пыталась вцепиться в примятое

лопатой лицо своего Юрчика. Однако тот был начеку и сумел перехватить ее руки. Тогда со всего размаха женщина заехала коленкой ему в пах. Весь удар на себя приняла толстая дубленка, и поэтому удар получился так себе. Юрчик честно пытался объяснить, как у него отшибло память, как он попал в больницу, только Людок не слушала и пыталась двинуть ему побольнее. Понимая, что переговоры уже никогда не вернутся в мирное русло, Юрий Николаевич вытолкнул Людмилу Ивановну из гаража на мороз. Еще некоторое время та пыталась дубасить его дамской сумочкой. Отбившись от гаражной фурии, хозяин гаража наконец-то сумел закрыть двери изнутри. Там его взгляду предстала совсем не новогодняя картина. На крышке багажника дрелью были просверлены дырки так, что читалось слово «урод». Буквы были очень крупные, а дырки – в три ряда. Все двери автомобиля были насквозь просверлены дрелью, дырки складывались в буквы, а буквы в слова. Но только слова теперь уже были из ненормативной лексики. Особенно досталось капоту. Единственная не ругательная фраза была – «С Новым годом». В общем, вся поверхность автомобиля напоминала дуршлаг. Лишь поверхность в районе бензобака была не тронута, там гвоздем в четыре ряда было нацарапано слово из трех букв. Окна в автомобиле были не просто разбиты, они были истолчены в мелкую крошку. Во втором помещении разрушений было меньше. Матерные слова, нацарапанные на холодильнике, были не в счет. Разбитый телевизор тоже было не жалко. Юрий Николаевич ходил возле продырявленной машины и сокрушался, зачем он оставил электродрель на верстаке. Какая-нибудь австралийка, млеющая от созерцания кенгуру на зеленом газоне, не смогла бы воспользоваться электродрелью, но советские женщины умели все. Горе-любовник решил осмотреть гараж повнимательнее – не таятся ли там еще какие-либо ловушки. Слишком много времени было у его женщины, чтобы развлечься на полную катушку. Он не ошибся: тонюсенькая проволока была прикручена к воротам и ведру, которое находилось на полке над верстаком. В том ведре, прикрытом крышкой, оказались человеческие экскременты. Юрий Николаевич догадался, что в это ведро Людок ходила по большой и малой нужде, и если бы он открыл ворота, то содержимое оказалось бы на его голове. Пока хозяин гаража горестно размышлял, что ему делать дальше, Людмила Ивановна отправилась к любовничку домой. К ней еще не пришло наслаждение местью. Людок не стала унижать себя разборками с законной женой Юрка, а просто вставила в дверной косяк записку с текстом: «Сходи, посмотри, как твой муж разбил машину». Нажав кнопку звонка, мстительница тут же удалилась. Нинель Васильевна, прочитав записку, запаниковала. Она решила, что записку ей подсунула одна из жен, с мужьями которых ее «папик» пил накануне. Быстро одевшись, она отправилась в гараж.

Тем временем ее муж взял дрель и начал на крышке багажника сверлить дополнительные дырки, чтобы не читалось слово «урод», слишком оно бросалось в глаза гипотетическим посетителям гаража. За этим занятием его и застала супруга. «Папик» не слышал, как она зашла в гараж. Мусик, решив, что муж совсем рехнулся от пьянки, взяла рядом лежащую уже знакомую нам совковую лопату и тыльной стороной плашмя с воем: «Ты что, совсем допился до ручки, дебил?» – со всего размаха заехала ему по затылку. После такого удара Юрий Николаевич на некоторое время отключился. Жена, нагнувшись к нему, убедилась, что он дышит, и начала осматривать гараж. Она

долго и внимательно читала высверленные на поверхности автомобиля матерные слова, пытаясь понять, чьих же рук это дело. Пораскинув мозгами, а женщина, как мы уже говорили, она была неглупая, Нинель Васильевна поняла, что у мужа не было времени заниматься этим «арт-искусством». Ее суженый пояснить ничего не мог, а ответ хотелось получить прямо сейчас. В ней закипала неистовая ярость, требующая немедленного выхода. Было два варианта: либо добить мужа, либо... Мусик посмотрела на электродрель…

Юрий Николаевич очнулся от неприятного звука, который бывает, когда сверлят металл. Он открыл глаза и увидел, как какая-то женщина продолжает его работу. Дважды ударенному лопатой по голове мужчине показалось, что он сходит с ума. «Людок, ты вернулась?», – едва слышно произнес очнувшийся хозяин гаража и снова впал в забытье.

Через год с небольшим Юрий Николаевич купил с рук автомобиль «Москвич-412». Зашпатлевал и покрасил старый холодильник и купил по случаю подержанный телевизор вместе с таким же диваном. В гараже он оборудовал вместительный сейф, куда спрятал все инструменты, а во вторую комнату поставил массивную дверь, закрывающуюся на ключ. С женой они помирились, и на Новый 1990 год по-прежнему рассуждали, зачем сушить мозги высшим образованием.

Вячеслав Скалацкий